

Е.Э. Дриянский

Записки Мелкотравчатого

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 82-94
ББК 63.3-8
Е11

Е11 **Е.Э. Дрянский**
Записки Мелкотравчатого / Е.Э. Дрянский – М.: Книга по Требованию, 2023. – 174 с.

ISBN 978-5-458-67759-2

ISBN 978-5-458-67759-2

© Издание на русском языке, оформление
«УОУО Media», 2023
© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2023

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

сухаго «здѣсь», я тотчасъ емкнулъ, что лицо Игнатки было — живая копія съ темноты и погоды.

— Какъ-же? Десять верстъ не близко. Какъ мы доѣдемъ?

— Авоеъ.... выѣдимъ.... аглядимен....

Я отыкалъ ощупью кузовъ телѣжки; большая капля дождя упала мнѣ на носъ; приетаянная встрепенулась и загремѣла бляхамъ; свѣчка погасла. Я сѣлъ.

Выѣхавъ со двора, пужно было повернуть тотчасъ направо и спускаться по излучистому пригорку, окаймленному съ одной стороны садовымъ тыномъ, а съ другою отвѣсною водомошною, которая, расширяясь поепенно, спускалась вмѣстѣ съ этимъ узкимъ проѣздомъ къ плотинѣ, перееѣкавшей большой прудъ. Эта дорога и днемъ, какъ то извѣстно и памятно было всѣмъ и каждому, считалась не изъ лучшихъ. Дѣло въ началѣ пошло у насъ очень еепенно, хотя по частому трясенію головы кореннаго битюка я не хотя уразумѣлъ, что онъ видимо терялъ охоту къ солидному отправленію своей должности. Наконецъ онъ, заблагоразсудилъ пуетиться рысцою: схватясь обѣими руками за грядки телѣжки, я не успѣлъ еще порядочно одуматься, какъ одна изъ пристяжныхъ вдругъ скрылась изъ глазъ; раздалось громогласное тпррру! пара останоилась; Игнатка, крехтя, охая и причитывая что-то, полѣзъ съ козелъ. По повѣркѣ оказалось, что она попала въ яму, изъ которой мужики роютъ глину. Употребя около получаса на устройство оборваннаго валька и упряжки, мы, наконецъ, благополучно очутились на другомъ концѣ плотины.

— Не вернуться-ли, Игнатка? Судя по началу, намъ не скоро добратся до мѣста!

— Авоеъ, теперь какъ нибудь.... штоиъ имъ тутъ, окаинные.... дуй ваеъ горой!... ссередъ ѣзду глину роютъ.... и баринъ-то у нихъ, согрѣшилъ грѣшный.... Право-ну. Эхъ-ма.... доѣхать-бы...

Все это причитываніе сопровождалось приличнымъ количествомъ эховъ, вздоховъ и побрякиваній, пока Игнатка усаживался и подбиралъ возки; наконецъ поелыпалось одно изъ невыразимыхъ междуметій, и послѣдующее за тѣмъ: «Э-з-Бо-гомъ», и лошади побѣжали рыеью.

Прить эта, однакоже, продолжалась не долго; по судорожному ветряхиванью и ннеколько неуладительной качкѣ экипажа, неминуемо слѣдовало прилѣпиться къ довольно основательной мысли, что мы прогуливаемся вовсе не по дорогѣ; послѣ изряд-

наго толчка слѣдовало неизбежное тпру! и немедленное отправленіе Игнатки для отысканія болѣе эластическаго пути.

Оставшись одинъ, я отъ бездѣлья началъ приспособлять свое тупое зрѣніе къ сказанному Игнаткой «аглядимсп». Успѣхъ былъ такъ великъ, что я увидѣлъ дугу; лошади ступовывались съ грунтомъ. Минуть двадцать прошло въ частыхъ переключкахъ; изъ причитываній, какими онѣ сопровождалсь, я вывелъ заключеніе, что мы «безъ сумленія» обойдены лѣшимъ.

На горизонтѣ мгновенно блеснула и погасла пскорка огня, и заропила въ мою голову частицу свѣтлаго соображенія: если этотъ блескъ изъ кабинета, думалъ я, то нашъ путь лежитъ налѣво; если-же изъ передней, то слѣдуетъ круто повернуть назадъ.

— Баринъ, а баринъ! Мы не туда ѣдемъ, сказала Игнатка, подойдя ко мнѣ на голосъ.

— Вѣрю, мой милый. И даже вѣрю, что мы теперь вовсе никуда не ѣдемъ, а преспокойно стоимъ на мѣстѣ.

— Какъ-же быть-то?

На этотъ разъ глаголь *быть* терялъ свою вспомогательную силу.

— Надо найти дорогу и ѣхать по ней, — отвѣчалъ я, послѣ короткаго раздумья.

— Воиъ тамъ, влѣвѣ, дорога есть, да вдно не наша.

— Коли есть, такъ она и наша.

Вздыхая и причитывая, Игнатка велъ коренную подъ уздцы; саженой двѣсти продолжалась качка, наконецъ колеса покатились плавно; стало замѣтно, что мы перемѣнили направленіе: мелкій, сыпучій дождикъ увлаживалъ мой правый бокъ. Съ помощью «аглядимсп», я предался наслажденію созерцать Игнатку въ непрерывномъ поклопеніи дорогѣ, то направо, то налѣво часа два времени протекло незамѣтно; лошади нѣсколько разъ порывались бѣжать рысью, по междуметія Игнатки и возжи мѣшали ихъ усердію; наконецъ раздалось новое тпру! и коренная уперлась въ межевой столбъ. По тщательномъ осмотрѣ оказалось, что мы стоимъ на распутыи трехъ дорогъ. Не желая получить вмѣсто одного, три вопроса вдругъ, я обратился первый къ Игнаткѣ.

— Какъ думаешь, гдѣ мы?

— И дѣ это мы? Атцы мои... Ахъ, дуй-тѣ горой... Куда-жъ теиерь? было — отвѣтомъ.

Вскорѣ Игнатка снова затянулъ «э-з-Бо-гомъ» и лошади пустились трусдой по неизвѣстному всѣмъ намъ пути.

Дождикъ началъ переставать: я накрылъ голову мокрымъ воротникомъ шинели, рѣшась ни о чемъ не думать, но часъ времени прошелъ по пустому. Стало скучно.

— Игнатка, спой что-нибудь; ты-таки мастеръ.

— Эхъ, сударь, грѣхъ-отъ какой! И гдѣ водится, чтобъ въ еѣтакіе разы, кто сталъ пѣсни пѣть. Ну, не равенъ случай, какъ съ дядей Никифоромъ.... Ну, какъ не приведи.... да вотъ.... съ нами крестная спла.... Игнатка поспѣшно началъ креститься.

Впередѣ насъ, казалось не вдалекѣ, вдругъ заблестало нѣсколько отдѣльныхъ огоньковъ; всѣ они какъ-будто были въ движеніи; нѣкоторые изъ нихъ свѣтились очень ярко и отбрасывали искры, другіе были слабѣе, но передъ ними двигались какія-то неясвенныя фигуры и тѣни. Полагая, что это перестановка происходила отъ движенія нашего экипажа, я велѣлъ остановиться, но сумятица все-таки продолжалась: всего-же страннѣе было видѣть то, какъ одинъ изъ этихъ огоньковъ вдругъ исчезалъ, и на мѣстѣ его появлялся другой, гораздо ярче и пламеннѣе, и вслѣдъ за тѣмъ снова начиналось передвиженіе.

— Э-ва! расплясался! Чтожъ, сударь, куда теперь ѣхать прикажете?

— Ступай прямо на освѣщеніе.

Вмѣсто должнаго исполненія, Игнатка обернулся и смотрѣлъ мнѣ въ глаза.

— Говорятъ тебѣ, ступай.

— Баринъ, а баринъ! Неужто вы занапрасно хотите душу губить!

— Дуракъ, гдѣ есть огонь, тамъ навѣрное если не тепло, то сухо. Пошелъ прямо!

Вздохнувъ глубоко, Игнатка повисновался. Не смотря на близость освѣщенія, мы ѣхали, очень долго, то спускаясь въ лощины, то поднимаясь на бугры; по мѣрѣ приближенія нашего къ этому освѣщенію, оно слабѣло и погасало; не желая потерять изъ вида и послѣдняго изъ этихъ свѣточей, я велѣлъ свернуть съ дороги и ѣхать прямо; послѣ мучительнаго переѣзда по пашнѣ, мы выбрались на луговину и очутились у опушки лѣса. Пропутавъ довольно долго между порубей и кочекъ, мы снова попали на дорогу, которая повела насъ вдоль опушки. Разсчитывая по мѣсту и времени, я былъ вполне увѣренъ, что

мы находились вблизи видѣннаго нами огня: въ воздухѣ былъ слышенъ запахъ дыма и копоти, и сквозь густую кущу деревъ блеснула синеватая пскорка угасавшаго огня; но въ ту минуту, какъ я намѣревался остановиться для свидѣтельства этой надежды на просушку, сонная чаща, казалось, пробудилась. Въ одно мгновеніе послышался звонъ желѣза, шумъ, трескъ, лай и ревъ огромной стаи псовъ, и, вмѣстѣ съ тѣмъ, вся эта одрава 1) казалось, со всею кущею березъ, дубовъ и осинъ, рушилась прямо на насъ: болѣе я ничего не увидѣлъ, потому что въ это время раздался неистовый крикъ Игнатки и лошади во всю прыть помчали насъ снова на кочковатый лугъ. Уцѣпившись крѣпко за телѣжку, я несся какъ стрѣла; кувыряясь со стороны на сторону, бросаю возжи и закрывъ лицо руками, Игнатка при каждомъ толчкѣ, прыгала передо мною, какъ эластическій мячъ; раздавался одинъ изъ самыхъ сокрушительныхъ ударовъ о пень, телѣжка крякнула, Игнатка прыгнувъ выше обыкновеннаго, и, въ тоже мгновеніе, вмѣсто его заплясала передо мною дуга; склонившись на бокъ, я промчался еще нѣсколько сажений впередъ; наконецъ послѣдовалъ отчаянный скачокъ внизъ, дуга скрылась, подо мной что-то грохнуло, блеснуло, я щелкнулъ зубами и очутился верхомъ на пристяжной. «Аглядѣвшись», я увидѣлъ вверху надъ собою цѣлую стаю собакъ: всѣ онѣ, казалось, не рѣшались приблизиться ко мнѣ по причинѣ крутаго спуска; вскорѣ послышалось хлопанье арапниковъ и какія-то сиповатыя голоса кричали: «атрышь! къ нему! въ стаю!» Вслѣдъ за тѣмъ, между собаками появились двѣ длинноватыя тѣни, въ родѣ человѣческихъ.

По пересылкѣ изряднаго количества вопросныхъ пунктовъ, сверху внизъ и снизу вверхъ, двѣ тѣни тотчасъ превратились въ Сергѣя и Ваську, двухъ смренныхъ выжлятниковъ 2) графа Атукава.

Вскорѣ я вышелъ на сушу и съ помощью выжлятниковъ и прибывшихъ на голосъ ихъ двухъ псарей, прежде всего пустился въ розыски. Всѣ оклики и призывы наши оставались безъ отвѣта. Вскорѣ, однакоже, мы увидѣли среди луга четырехъ гончихъ, которые что-то обнюхивали. Мы пошли туда: помѣстясь между двухъ мягкихъ кочекъ, Игнатка лежала вверхъ носомъ и смотрѣла изступленными глазами. Только мой голосъ

---

1) Толпа, скопище.

2) Помощники ловчаго.

способенъ былъ вызвать его изъ этой пѣмой созерцательности. Слова всѣ доказательства во-едино, мы наконецъ привели его въ чувство, но убѣжденіе въ томъ, что мы были обойдены лѣшнимъ, опъ далъ себѣ клятвенное обѣщаніе сохранить — *по концу гроба жизни* и отправился вытаскивать лошадей изъ тины.

Между тѣмъ, огни запылали снова; я подошелъ къ одному изъ костровъ и вынулъ изъ кармана часы; стрѣлка показывала три. Послѣ часовъ, глазамъ моимъ предстали три огромныя фуры, такой емкости и величины, что каждая изъ нихъ способна была поглотить самую многочисленную семью правовѣрнаго Кутуфты.

Одна изъ этихъ громадъ была на рессорахъ, длиннѣе прочихъ, и по множеству круглыхъ окошекъ, прорѣзанныхъ въ обонхъ бокахъ кузова, являла изъ себя собачью колесницу. Кромѣ этихъ вслкановъ экипажной породы, подъ сѣпью ихъ стояли дрожки и другіе крытые экипажи и, сверхъ, того, смиренныя русскія телѣги, вокругъ которыхъ, пятками и десятками, стояло около шестидесяти лошадей.

Обрамленная съ обѣихъ сторонъ двумя отрогами лѣса, площадка вдавалась мысомъ въ непроницаемую кущу ельника, подъ сѣпью котораго бѣлѣли двѣ палатки, а подлѣ нихъ нѣсколько шалашей, наскоро устроенныхъ изъ вѣтвей, соломы, попонъ и войлоковъ.

Одно изъ пепелищъ было обставлено треножниками, кастрюлями, котликами, ящиками, самоварами и прочими кухмистерскими принадлежностями; кромѣ того, въ разныхъ мѣстахъ было постлано множество соломы, на которой покоились борзые, или туго свернувшись кренделькомъ, или на всемъ боку, нѣжно потягиваясь и выпрямляя усталыя ноги.

Я раскурилъ сигару и занялся разсматриваніемъ подробностей этой картины. Псаря и конюхи пробуждались поочередно и, выползая, то изъ среды борзыхъ, то изъ чащи, немедленно приступали къ исполненію обязанностей; лошади начали потихоньку ржать и постукивать копытами, храбро поглядывая на приступившихъ съ торбами къ одной изъ фуръ, для насыпки овса; то вдругъ которая-нибудь изъ собакъ вскакивала, садилась на четвереньки, горбилась, зѣвала, вытягивала шею, и потомъ, сдѣлавъ нѣсколько вольтовъ на мѣстѣ, ложилась снова и свертывалась въ клубокъ: эта перекладка на другой бокъ сопровождалась неизбѣжнымъ рычаньемъ одной или обѣихъ сосѣ-

докъ; пныя изъ нихъ были такъ неуживчивы, что вскакивали сами, съ явнымъ намѣреніемъ къ дракѣ: затѣвалось общее ворчанье; въ такомъ случаѣ немедленно присоедилился къ нимъ голосъ котораго-нибудь изъ псарей: «но-о! а-си-на! въ свалку», и спокойствіе водворялось. Но вотъ, въ палаткѣ раздалось одно изъ многознаменательныхъ покрякиваній, за нимъ протянулось мягкое, эластическое «эй!» и два псаря побѣжали къ крайнему шалашу: «Артамонъ Никитичъ! Артамонъ Никитичъ! графъ проснулся.» Въ отвѣтъ на это раздалось громкое и быстрое «сейчасъ» — и высокій, стройный малый выскочилъ изъ шалаша въ одномъ жилетѣ. Онъ тотчасъ напялилъ на себя темный казакинъ и, не мѣшкая, отправился къ ящикамъ: вынулъ серебряный судокъ съ пустымъ стаканомъ, подъ лѣвую мышку захватилъ графинъ съ водой, а въ правую руку взялъ бутылку съ фонаремъ.

На встрѣчу къ нему изъ палатки вышла красивая борзая собака, потянулась сначала назадъ, потомъ напередъ, потомъ уперлась на всѣ четыре лапы, мощно встряхнулась, загремѣла ошейникомъ и замахала хвостомъ, привѣтствуя Артамона Никитича.

Отправясь вслѣдъ за графиномъ и бутылкой, я услышалъ въ началѣ явственныя признаки полосканія графскаго рта, потомъ полосканіе стакана и всплескъ воды на траву, потомъ, когда въ слѣдъ за этимъ всплескомъ стаканъ снова началъ наполняться жидкостью, уже не изъ графина, а изъ бутылки, я успѣлъ раза два поглядить мягкіе и красивые завитки сѣраго Чауса.

— Кажется, ночью былъ дождикъ?—спросилъ Атукаевъ своего камердинера послѣ трехъ звучныхъ глотковъ.

Я тотчасъ смекнулъ, что человѣкъ, имѣвшій удовольствіе размачивать себя въ продолженіе пяти часовъ, имѣетъ полное право доносить о дождяхъ, слякотяхъ и прочихъ выскочкахъ природы, а потому, не желая вводить въ грѣхъ полусоннаго камердинера, входя въ палатку, сказалъ:

— Былъ и очень порядочный.

Въ отвѣтъ на это донесеніе меня встрѣтили неизбѣжныя:— ба, ба, ба! и слѣдующія за тѣмъ привѣтствія, что я свалился съ неба.

— Просто-на-просто, твои вырядники вытащили меня изъ какой-то трясны, сказалъ я, усаживаясь на графскую постель, состоявшую изъ полукошны сѣна, застланной ковромъ.

Послѣ этого пошло въ ходъ подробное описаніе моего путешествія, въ замѣнъ котораго, по примѣру всѣхъ романпстовъ, слѣдовало бы заняться описаніемъ графской особы, но мы, надѣюсь, успѣемъ ознакомиться съ нимъ и безъ этихъ предисловіи.

— И прекрасно, — сказалъ Атукаевъ, выслушавъ до конца мое повѣствованіе: — это тебѣ въ наказаніе за прежніе отказы потѣшиться вмѣстѣ съ нами. Ну, теперь какъ-же ты хочешь поступить на счетъ дальнѣйшаго странствованія?

— Это будетъ зависѣть отъ тѣхъ удобствъ, какія представитъ мнѣ мой экипажъ, при появленіи своемъ изъ болота.

— А по-моему, такъ эту статью придется повести иначе.

— Какъ же?

— А вотъ какъ это мы устроимъ. Во-первыхъ, ты, какъ прилудная овца, волею-неволею прилѣпляешься къ нашему стаду, и я, какъ пастырь, беру тебя подъ свою опеку. Второе и главное есть то, что у меня вчера здѣсь былъ персходъ (дпевка), и вечеромъ подвыли пять голосовъ въ котловинѣ, да два отозвались въ Асоргпнскихъ; по-этому мы нынче обѣдаемъ въ Клинскомъ, а вечернее поле беремъ въ Глѣбковѣ: оттуда, какъ тебѣ извѣстно, останется до дома всего-то восемь верстъ: слѣдовательно, Игнатка твой откормитъ здѣсь лошадей и увезетъ на парѣ изломанную телѣжку домой; третья уйдетъ, вмѣстѣ съ кухней и моими заводными, въ Клинское, а завтра возница твой, съ новой таратайкой, явится къ намъ въ Глѣбово. Гуть?

— Да еще какой гуть! просто, на славу.

— Ну, и чудесно. Значитъ, ты теперь въ моемъ распоряженіи?

— Въ полномъ. Однимъ словомъ, я одна изъ самыхъ послушныхъ овецъ твоихъ, и попечительство начнется тѣмъ, что ты велишь тотчасъ подать мнѣ стаканъ самаго горячаго чаю, потому-что я продрогъ до костей.

— Ну, и прекрасно. Эй! Чаю!

Въ это время я отвернулся къ стоявшему въ углу фонарику, чтобъ раскурить сигару и вдругъ почувствовалъ, какъ двѣ ладони закрыли мнѣ глаза, и звонкій теноръ произнесъ надъ ухомъ:

— Узналъ?

— Узналъ, — отвѣчалъ я на-угадъ, желая скорѣй освободиться; но этимъ не кончилось: я долженъ былъ выдержать полный курсъ обниманій, прижиманій и лобзаній, и только по окончаніи этой давки могъ явственно отличить высокую фигуру Луки Лукича Бацова отъ дубленаго полушубка, облекавшаго оную.

— Каковъ! прискакалъ! слышалъ, братецъ, слышалъ все, какъ ты тамъ въ болотѣ... ну, да это пустяки. Вообрази, мы почти годъ, какъ не видались; ну, да это пустяки. А вотъ что: вчера подвыли семерыхъ; а главнос, вообрази, Карай-то мой, Карай! третьяго-дня — лису матерую, то-есть, можешь ты себѣ представить, съ первой угонки, какъ вложился — джи!...

Лука Лукичъ не окончили еще начатаго рукою жеста, выражавшаго, по его мнѣнiю, ловкость и удалство Карая, какъ изъ сосѣдней палатки послышался знакомый мнѣ голосъ г. Стерлядкина.

— Вреть, все вреть! Не вѣрьте ему...

— Такъ и поволокъ, — продолжалъ Бацовъ. — Ну, что онъ тамъ оретъ съ просонковъ, эта щучья пасть: не вѣрь, братецъ, онъ что ни скажетъ — все пустяки. Здравствуй, графъ. А гдѣ-жь Хлюстиковъ?

— Эй! Подать сюда Петрунчика, — сказалъ графъ людямъ. — Да онъ вчера такъ нахлестался, что, я думаю, и теперь еще не пришелъ въ память.

— Ничего, — кричалъ Стерлядкинъ изъ своей палатки. — Это ему не въ первый разъ, да и не въ послѣднiй. Здравствуй, графъ, каково спалось подъ дождикомъ?

— Хорошо. А у васъ вчера что-то долго шла потѣха. Ну, что: на чемъ рѣшили?

— Извѣстное дѣло, на чемъ. Карая нынче придется по хвосту.

— Слышишь, Лука, — сказалъ графъ, обратясь къ Бацову, — и ты въ сплахъ будешь перенести этотъ ударъ? А съ кѣмъ идти?

— Съ Азарнымъ, — кричалъ Стерлядкинъ. — На перваго подозрѣннаго, прибылые не въ счетъ; да еще добро-бы до первой угонки, а то прямо па-завладай.

— Ого! Ну, что ты, братъ, Лука? ужь видно, па-пряникъ съ ума спятилъ! Воля твоя, у меня въ-чужѣ сердце замираетъ. Добро-бы еще, на дюжину шампанскаго, а то, посуди самъ: вѣдь это срамъ на всю жизнь.

Бацовъ молча покручивалъ усы; замѣтно было, что онъ начиналъ труспть. — Пустяки! — сказалъ онъ, но уже не такъ громко и отчетливо.

— У тебя все пустяки! А разсудн-ка самъ: Карай твой, слова нѣтъ, собака добрая, во всѣхъ ладахъ, да молода; притомъ-же ты самъ знаешь — псовая, пылкая, слѣдовательно, на короткѣ; сверхъ-того, коли не осердлшься, я скажу правду: онъ, братъ,

у тебя больно подуздовать 1)! а коли ты охотникъ съ толкомъ, такъ знай, что подуздоватая собака всегда не поимста. Куда-жъ ты заѣхалъ? Добро-бы на садочнаго, да еще до угонки; а то, давай намъ подозрѣнаго, да матерпка: экъ, куда хватилъ! Съ Азарнымъ — шутка! Нѣтъ, братъ, я Азарнаго знаю.... Графъ не кончилъ и началъ вслушиваться. За палаткою шла страшная возня: «слышь, прочь, прибью; подлецъ буду — прочь; зарѣжу!...»

Я выглянулъ изъ палатки.

Въ шалашѣ, изъ котораго недавно появился камердинеръ, лежалъ маленькій человекъ въ заячьемъ полукафтанѣ, и размахивалъ ногами, отбиваясь отъ двухъ псарей, которые старались завладѣть имъ. По голосу и складу бранчивой и отрывистой рѣчи, я тотчасъ узналъ въ немъ Петра Сергѣевича Хлюстикова.

— Тащи, тащи его! — кричалъ голосъ изъ палатки.

— Слышите, Петръ Сергѣичъ, графъ кличетъ; пойдите, — говорилъ псарь.

— Пошелъ, дуракъ! ты видишь — я сплю.

— Нельзя: приказано будить.

— У-у! Нельзя, нельзя, скотина! прочь убирайся!

— Бери, тащи его! — раздался голосъ Бацова.

— Пстръ Сергѣичъ, Лука Лукичъ зоветъ....

— Лу-ка! Лу-кичъ! Скажи ему, что онъ такой-же скотъ, какъ и ты.... А Карай, просто, шалава....

Въ палаткѣ раздавался общій смѣхъ.

— Тащи, тащи его, — кричалъ Стерлядкинъ, выходя изъ своей палатки въ колпакѣ и бѣлчьемъ халатѣ.

— Еще одинъ! А-а-ай! не буду. Голубчики, пустите.... Иду, право, иду, — кричалъ Хлюстиковъ, барахтаясь на рукахъ у псарей.

Въ палатку подали чай.

Хлюстиковъ явился въ слѣдъ за самоваромъ.

Украшенное тройнымъ комплектомъ веснушекъ, лицо его было до крайности мало, и въ минуту выражало на себѣ тысячу различныхъ оттѣнковъ; темнокаштановые курчавые волосы, наперекоръ всѣмъ прическамъ, постоянно убѣгали вверхъ; вообще же, сочетаніе всѣхъ мелкихъ частицъ этого лица послало выраженіе, порождавшее въ каждомъ невольный смѣхъ. На взглядъ, Хлюстикову было лѣтъ около пятидесяти.

Онъ подобострастно подошелъ къ постели Атукаева, который погладилъ его по головѣ и потрепалъ по щекѣ.

---

1) Нижняя челюсть короче верхней.

— Вотъ, Петрунчикъ, умница; всталъ раненько; а теперь пойдеть, умоется, причешеть головку, и явится къ намъ молодець-молодцомъ.

— И подадутъ ему стаканъ чаю,—прибавилъ Бацовъ, ударяя на слово: чай.

— Чаю.... дуракъ! Я не гусь.. Эй, ча-ла-экъ! Отставному губернскому секретарю, чуть-чуть не кавалеру Петру Сергѣеву, сыну Хлюстикова—трубку, водки и селедки; но-о!—Эти слова были произнесены подобающимъ тономъ.

Въ минуту было подано то и другое.

Взявши въ одну руку коротенькую трубочку, а въ другую налитую рюмку, Хлюстиковъ значительно подмигнувъ глазкомъ, крикнулъ, плюнулъ, показалъ языкъ Бацову и мигомъ опорожнилъ рюмку; но въ то же мгновение глаза его вынучились, лицо сморщилось, онъ вздрогнулъ и сердито швырнулъ рюмку человѣку подъ ноги.

Разразился общій смѣхъ.

— Пад-ле-цу-ксу-су-су.... шипѣлъ Хлюстиковъ, харкая и отплевываясь.

Наконецъ, онъ жадно приступилъ къ куренью. Послѣ трехъ сладостныхъ затяжекъ, передъ носомъ Хлюстикова взлетѣлъ огненный фонтанъ отъ вспыхнувшего пороха, положеннаго на дно трубки, и Хлюстиковъ опрокинулся на графскую постель. Наконецъ онъ вскочилъ и съ бранью убѣжалъ въ шалашъ.

Допивши второй стаканъ чаю, я вышелъ изъ палатки.

Игнатка мой крѣпко спалъ, растянувшись передъ пылавшимъ костромъ; спсачканныя въ грязи и тинѣ лошади исправно ѣли овесъ, опустья головы въ изломанную телѣжку, которая казалась вовсе негодною къ употребленію. Вокругъ меня все было въ движеніи: псаря осѣдывали лошадей; кучера вирягали другихъ въ брики и колесницу; повара укладывали костюлы въ ящики; выжлятники смыкали гончихъ; стремянной, съ двумя борзятниками, подлавливалъ графскихъ сворныхъ и пихалъ въ колесницу. Между охотниками шли непрерывныя перебранки и пересмѣшки; собаки выли, прыгали, вытягивались и махали хвостами, ласкаясь къ своимъ хозяевамъ.

— Глядь-ка, глядь, Кирюха! Савелій Трофимычъ знаетъ-таки учливость, — сказалъ борзятникъ Егорка своему сосѣду.

Всѣ обратились къ колесницѣ.

Тамъ, передъ графскимъ стремяннымъ, стоялъ старичекъ-